

Образованное человечество не даст себе погибнуть

В редакции встретились два наших автора — Александр АСМОЛОВ, заместитель министра образования России, профессор факультета психологии МГУ, и Владимир МИСЮЧЕНКО, консультант Совета безопасности Российской Федерации.

Сошлись и заспорили?

Нет. Хотя в разговоре каждый говорил «как будто только о своем», выходило, что говорили об одном.

Для них — о самом важном.

В. Мисюченко: — Я хотел бы сразу начать с извинения. Любой разговор об образовании (пусть даже оно более чем «интересует», «волнует», «задевает за живое») в моем нынешнем положении имеет нехороший привкус vis-a-vis с человеком, который этим образованием занимается как работой. Я говорил, что школа держится самоотверженностью учителей, но ведь не только учителей, а, естественно, и управленческой администрации, департамента, министерства — любого, кто отдается образованию практически. Для вас это работа, любой тычок болезнен, и я заранее прошу прощения...

А. Асмолов: — Я уже как-то привык к тычкам...

В. Мисюченко: — Тогда тем более «тычки» в сторону.

Если мерить не годами, не перестройками, не стабилизациями, а нормальными человеческими мерками, то видно, что в настоящее время происходит очень интересный процесс. Именно сейчас человечество вплотную подошло к осознанию сущности своей, осознанию собственного единства и оказалось перед вопросом: «А стоит ли становиться единым человечеством?» И образование интересует меня только потому, что

без него невозможно выявление существенных качеств даже не человека, а человечества.

Все проблемы нашего образования сейчас (не знаю, как точнее назвать это время, — переходный период от одной системы образования к другой или просто латание дыр, оттого что нет никакой системы образования) сводятся, на мой взгляд, к тому, что образование не нужно. Тому обществу, в каком мы существуем, образование пока не нужно. К чему это приведет?

А. Асмолов: — Вы знаете, у меня никогда не было ощущения такой полноты самореализации, как в последние семь лет, когда я оказался причастным к эволюции образования. (И работая главным психологом Гособразования СССР и с 1992 года заместителем министра образования России.) Сначала я ставил себе неверный вопрос: «Что может психолог в образовании? Может ли он вернуть в школу Выготского? Может ли сделать так, чтобы культурно-исторические подходы стали реальными?» Но довольно быстро, в течение полугода, еще у Ягодина, я избавился от этих наивных иллюзий (Геннадий Ягодин с 1988 года — председатель Госкомитета СССР по образованию. — Ред.). По сути дела, работа, попытка построить иную архитектуру образования заставила меня пересмотреть и понять по-другому и то, что может психолог в этом мире, и место образования в социо- и культурогенезе. Увидеть в образовании именно, как вы говорили, механизм развития человечества, в буквальном смысле — механизм культурогенеза. Поэтому главное, что я делаю, — жестко включаю образование в историко-эволюционный контекст.

Мир держится на разнообразии. Мир органической природы. И человеческий мир тоже. Мир развивается прежде всего постольку, поскольку находятся системы, поддерживающие индивидуальность, поддерживающие разнообразие, вариативность. Работает механизм, который постоянно через образование решает: либо я должен гасить отклонения от нормы, либо поддерживать все возможные вариации. Иными словами, образование стало, как это ни парадоксально, уникальным социогенетическим

механизмом, поддерживающим вариации либо гасящим их. И это я говорю впервые, ведь прежде никто так не сравнивал типы образования.

Когда мы заявляем, что у нас есть типовые программы, типовые планы, когда говорим, что по учебнику Перышкина в один час (с учетом географического пояса) занимаются и во Владивостоке, и в Москве, мы придумываем какой-то уникальный механизм работы на отбор и погашение любых вариаций. Но стоит нам осознать, что за главным механизмом развития стоит рассеивающий (или поддерживающий) отбор и что только человек может заселить всю ойкумену и везде, в каждом ареале найти себе место, тогда-то мы по-другому начинаем понимать механизм социогенеза. И тогда мы говорим: любые слова об образовании как о селекции к усреднению — это не просто ошибка, это, по сути дела, то, что начинает менять логику историко-эволюционного процесса.

Я шел к этому робкими шагами. Сначала обронил понятие «психолог — мастер по неодинаковости» (тем самым — мастер по поддержке вариативности). Потом — «психолог — архитектор развивающих сред» (но развивающих что? Ту же вариативность). Потом, чтобы отойти от командной, тоталитарной, предельно жесткой модели образования, я задал программу «треугольника», программу трех групп риска: одаренные дети, дети с отклонением развития и дети правопослушные. Этот треугольник нужен не только для внимания к таким детям, нет — методологически, стратегически мне нужно было взорвать модель усредненного образования. Сейчас, отрефлексирав, я говорю об этом более жестко: группы риска стали точкой опоры для изменения образования в России.

В России сегодня нет кризиса. Мы ждем его по старинке. Как в средние века апокалипсиса, ныне все ждут, когда общество рухнет. Оборачиваются и спрашивают: как, до сих пор не рухнуло? Думаю, связано это с главным, с ренессансом индивидуальных целей личности.

Раньше мы все время падали ниц перед общественно-коллективными целями, считали их главными целями развития. Как тогда говорили: ты ставишь личное выше общественно-

го?! Сегодня происходит малозаметный феномен — приватизация индивидуальных целей. Приватизация не дома, не здания, а частной жизни. В этой ситуации именно образование и веер вариативных программ могут помочь каждому человеку найти свою индивидуальную траекторию развития.

Государство слабо чувствительно к образованию. Этого нельзя сказать об обществе. Возникает расхождение государства и общества. Общество начинает все более и более осознавать, что как бы ни мешало государство, образовательные цели необходимы.

В. Мисюченко: — Общество или часть общества?

А. Асмолов: — Любые общественные системы и большие группы.

Появление частных школ — это проявление необходимости дать новым поколениям возможность выбора. Образование становится важным фактором конкуренции, более того, образование становится путевкой на выезд. Вы отлично знаете, что наши лучшие олимпийцы по химии, по физике, по биологии — это кандидаты в Оксфорд, другие университеты. Их отслеживают, не мне вам об этом рассказывать...

В. Мисюченко: — Оксфорд (прекрасное образование!) меня меньше беспокоит, чем компании, в которых будут работать наши бывшие олимпийцы.

А. Асмолов: — Я понимаю: западные компании тоже отслеживают наших специалистов.

Возникает вопрос, который еще не осознал никто: сегодня образование становится серьезнейшим фактором безопасности России. Образование, понятное и проработанное, будучи вариативным, играет на понижение уже не общественного, а государственного риска.

Я не буду закидывать вас, профессионала, примерами из чернобыльской и других трагедий, причины которых можно отыскать, как я всегда говорю, в трех «б»: бездуховности, безграмотности, безответственности. Мы никак не связываем образование с риском. Образование сегодня —

это система безопасности России. Это не понимается очень многими.

Я не хочу походить на тех, кто ждет апокалипсиса, но это уже не ожидание — это конструирование. Когда, например, министр финансов говорит, что учебники — не государственное дело, он не видит следующей элементарной цепи: нет учебников — расстраивается процесс в школах, в перспективе начинает качаться наука, это бьет по технологиям.

Получив ответ из Минфина: программа «Одаренные дети», которую Президент пытался двигать, не нужна России, — никак не мог избавиться от впечатления, что те, кто стыдливо говорит об «утечке мозгов», не ведают, что творят. И мой термин жестче: не «утечка мозгов» — перед нами осознанный процесс «вымывания мозгов». А это разные вещи.

В. Мисюченко: — По количеству судя, это не утечка, а уток: утечка — капельки, а это поток. По поводу же того, что его определяет и хорошо ли это, можно поспорить.

А. Асмолов: — Это поток, вы правы. Я не занимаюсь проблемой Маяковского: что такое хорошо, что такое плохо. Но там, где мы думаем, что по незнанию, по неграмотности идут пассивные процессы, на самом деле идут, пусть и слабо осознанные, активные процессы размывания интеллектуального потенциала, накопленного Россией. Потенциала, интеллектуального фонда, держателем которого в силу своего здорового консерватизма была система образования. Она таковой и остается. И то, что происходит сегодня, у меня (не потому, что «розовые очки» на глазах) вызывает оптимизм.

Да, нет денег на учебники. Да, небольшая зарплата у учителей. Но когда я приезжаю в ивановскую деревню и меня учительница начинает обличать, я, мужик, не выдерживаю и целую ее. Она сказала: «Господин замминистра, как вам не стыдно!», я уже приготовился про экономику отвечать. А она: «До сих пор в нашей школе для курса «Мировая художественная культура», который вы же всюду пропагандируете, нет полного набора репродукций Гойи. Как работать?» Когда меня упрекает учитель, что нет репродукций Гойи,

я счастлив такому упреку! Для меня это симптом. Борис Неменский, известный художник, настаивал: «Главное — воспитать в учителе рисования и музыки зрителя, чтобы он зрителем сделал ученика...» Какова гениальность формулы!

Это еще один момент, который позволяет мне говорить: «За эти годы мне удалось изменить стратегию образования в России». Как бы экономически ни было сложно, мучительно трудно, мы перешли на поисковое, вариативное образование. И учителя, которым действительно мы всегда поклониться готовы, начали (я не говорю обо всех, но очень многие) тянуться к творчеству.

У нас сегодня не просто новаторы, волки-одиночки, как Акела на скале Совета, у нас сегодня настоящее инновационное поколение. В нем много «чайников» — сумасбродных, со странными идеями, — но мы же им помогаем! Делаем новые серии учебников с Успенским — «Сказка о правах человека». Вышел — впервые! — уникальный учебник «Демократия: государство и общество».

Еще раз повторю: образование — критерий стабильности — в историко-культурном плане выступает как механизм культурогенеза, настроенный на поддержку вариативности. Простите за сложный язык, но он вполне...

В. Мисюченко: — Сложно или несложно — это оценят читатели.

А. Асмолов: — Да. Второй момент. Образование, работая как механизм на поддержку вариативности, готовит систему к жизни в неопределенной ситуации, делает ее более стабильной, уменьшает возможность риска в этой системе.

В. Мисюченко: — Уменьшение риска снижает уровень и интенсивность угроз системе, укрепляя тем самым ее безопасность как единого целого. Это позволяет добиваться наибольшего эффекта в главном — жизни, развитии личности и общества. Так?

А. Асмолов: — Вот видите, вы поняли, что я «закольцевал процесс». Был бы я стратегом на уровне правительства, не позволил бы ему рабо-

Именно сейчас
человечество
вплотную
подшло
к осознанию
сущности своей,
осознанию
собственного
единства
и оказалось
перед вопросом:
«А стоит ли
становиться
единым
человечеством?»

тать на уровне политической алхимии. Надо менять доктрину России и переходить от укрепления военной безопасности к обеспечению образовательной безопасности...

В. Мисюченко: — Ну это еще предстоит!

А. Асмолов: — Нет, это мечта!

В. Мисюченко: — Почему мечта? Это заложено в концепцию национальной безопасности — вопросы обучения, образования, система подготовки. Заложено, но, увы, не разрабатывается.

А. Асмолов: — Атака на образование принимает разные формы и облики. Скажем, мне говорят (и это попало в бюджетное послание Президента): переведите все ПТУ на региональный бюджет. Это было бы нормально, если бы была отдельная финансовая строка. Целевые деньги — и мы спокойны. Но региональный бюджет — это черная дыра, где все по кусочкам разорвут, но на ПТУ не пойдет ни гроша. А в результате в 1994 году пятьсот тысяч детей без школы, в этом году — за миллион. Все воинство ПТУ — это ребята не

Надо менять
доктрину
России
и переходить
от укрепления
военной безопасности
к обеспечению
образовательной
безопасности...

самые сладкие, ими и прирастает преступность.

И другой момент — диффузия ответственности. Под видом сокращения аппарата, путем так называемого слияния «всех управленцев» идут эдакие мичуринские опыты, мечты слить ранет бергамотный с бегемотом... А за этим стоит старая формула: концы в воду. Когда одной системе будут подведомственны и дети трехлетнего возраста, и студенты Бауманского университета, и курсы повышения квалификации для тех, кто хочет пройти в МГИМО, и наконец мои любимые дефективные дети, тогда такой системе придется готовить дефективных людей для Московского государственного университета. Это хорошо известный в социологии феномен — диффузия ответственности. Диффузия ответственности усугубляется кризисом компетентности у политиков и так называемых государственных людей. Деятельность некоторых лидеров в проблемах образования нации не знает границ!

Я считаю себя психоисториком, а психоисторик пытается проектировать через образование изменение социальной ситуации в культуре. Буду ли я это делать в Министерстве образования или в любом другом месте, но я буду это делать! Извините за длинный список.

В. Мисюченко: — Не длинный, а нормальный, вы выстрадали право говорить об образовании, не смущаясь «длиннотами». Тем более видя гибельное невнимание к нему со сто-

роны властей предрержащих. Кстати, «мальчиков кровавых» как раз дождалась не столько они, сколько мы. Жители Буденновска больше всего говорили как о самом большом изверге даже не о Басаеве, а о мальчике-чеченце пятнадцати лет, который перестрелял там больше двух десятков людей. Сам. Его убили, так труп подростка-убийцы не хотел забирать никто, даже басаевцы. Были среди террористов и еще два малолетних бандита по тринадцати лет. Общество дождалось мальчиков, сбивших все возрастные планки самых злодейских преступлений. Писали о совершившем убийство пятикласснике — можно понять судей, разводящих от такого руками. Понимаю я и тех, кто считает прорыв малолетней преступности дикой, но закономерной реакцией на «вариативность», когда ею прикрывается социальная сегрегация; я бы сказал, расслоение образования — это четкая калька с расслоения общества. Общество, привыкшее к «незамечаемому благу» (как воздух, которым дышим!) образования для всех, еще не ужасается, но уже страшится того, что часть юной его поросли остается за пределами всякого образования. Это больно!

А. Асмолов: — Это не больно, это дорога в пещеру.

В. Мисюченко: — Правильно. И вот здесь пока никакой системы безопасности нет. Государство, вы правы, в эту сторону не смотрит и угроз и рисков не видит.

А. Асмолов: — Это дикий диссонанс между обществом и государством. Я, надевши маску госчиновника, все время будто враскоряку стою, когда доходит до общественной стратегии развития образования. Вы абсолютно правы: нельзя оставить ни одной ниши без образования. Должно быть семейное образование — один из эволюционных путей, должно быть образование негосударственное — второй путь, должно быть государственное — третий. Но нигде не должна сужаться воронка выбора.

В. Мисюченко: — И еще одно. Есть такое негласное правило (знаю о нем, поскольку успел побывать в роли банковского клерка): банк на

благотворительные цели тратит два процента прибыли. Больше ни один банк тратить не будет. Понимаете, похоже, и наше общество решается уделять не более двух процентов своего благотворительного внимания образованию. И эти два процента приходится на разговоры. Правильно меня поймите: нужны и разговоры. Без этих двух процентов вообще бы ничего не было.

А. Асмолов: — Это очень точно сформулировано. Интерпретация механизма развития человечества как благотворительность — это дорога в никуда.

В. Мисюченко: — Те же банки начинают (не все, далеко не все!) вкладывать средства в развитие производства, даже если прибыль при этом «сводится по нулям». Когда и государство станет вкладывать в образование как в воспроизводство общества хотя бы на уровне десяти — двенадцати процентов (пока, если не ошибаюсь, по бюджету чуть больше трех), тогда, может быть, что-нибудь и начнется.

А. Асмолов: — А ведь «подвижки» происходят. После того как прошлой весной я оглушил всех воплем об отсутствии учебников и назвал эту ситуацию национальной трагедией, банки захотели издавать учебники. Им вроде и выигрыша никакого прямого нет, но кто-то сказал: «Сегодня мы ничего не получим. Учебникурубль — это как нефtedоллар: учебники будут всегда». Это меня поразило.

В. Мисюченко: — И здесь уместно еще одно замечание касательно «утока мозгов». Он объективно предопределен тем, что всей системе (я бы сказал, не столько социально-экономической, сколько экономико-социальной) в той части человеческого общества, которое уже может называть себя хотите прединформационным, хотите постиндустриальным, насущна потребность в образованном человеке — насущна! Естественно, для удовлетворения этой потребности и обращаются туда, где уровень образования высокий, а в нашей стране он, несмотря ни на что, высокий...

А. Асмолов: — Бесспорно. В этом мы убеждаемся по результатам наших ребят на всех международных олимпиадах.

В. Мисюченко: — ...А затраты нулевые.

А. Асмолов: — Минимальные.

В. Мисюченко: — Нет, для западников-то они нулевые! Во всяком случае, были. Неудивительно, что сейчас и они стали вкладывать деньги в образование российских детей. Увы, наше государство сейчас им не конкурент. Не случайно существующее обилие учебных заведений финансово-коммерческой направленности: можно смело говорить о созданной системе финансового образования — буквально от детского сада до академии!

А. Асмолов: — Есть негосударственные школы типа Московской экономической, созданной банком...

В. Мисюченко: — Вот именно. Кто создал первые школы «под себя»? Под будущих своих служащих? Банки и родители. Банки — единственная, пожалуй, отрасль, переживающая настоящее развитие. Веками с самого раннего детства велась целенаправленная подготовка специалистов для армии и церкви, причем во всех цивилизованных странах: расселенное по национально-государственным квартиркам человечество испытывало жуткую нужду в профессиональных защитниках и духовных утешителях. Единому человечеству экономика важнее воинских утех. Пока нет динамичной структуры, пока нет динамичного развития всей экономики, до тех пор не будет «интереса» в образовании.

А. Асмолов: — Пока не будет развито образование, не будет и экономики.

В. Мисюченко: — Это понятно: пока государство не увидит, что в развитие экономики надо вкладывать, одновременно вкладывая сразу, интегрированно в образование, дело с застойной точки не сдвинется.

Есть еще одно. Образование у нас действительно начинает развиваться,

**Образование,
понятое
и переработанное,
играет
на понимание
уже не обществен-
ного, а государствен-
ного риска.**

есть, как говорят, результаты. Беда лишь в том, что порой результатом становится копирование чужих образцов, порой одолевает стремление своею деятельностью достигать результатов, которые планируются иным обществом, иной системой.

А. Асмолов: — Основная парадигма для меня — это парадигма развивающего образования. Его со своими коллегами я пытаюсь проводить в жизнь. Она противостоит парадигме суновской: парадигме «Знаний, Умений и Навыков».

Всю жизнь я говорю об опасности в истории культуры феномена, который я называю «гипноз спины», — попытка догнать и перегнать впереди идущего человека. Она отсекает любые другие пути развития, это просто неэкономно. Копирование западных образцов, особенно в сфере образования, нонсенс в нашей ситуации. То, что могут дать нам культурно-историческая школа Л. Выготского, идеи В. Давыдова, Б. Библера, освобождает от нужды заимствований.

Последнее время я применяю метод, который почерпнул из книги не очень любимого автора Суворова, написавшего «Ледокол». Суворов пишет, анализируя документы подготовки танков в 1935—1936 годах: это все были наступательные документы по стратегии, ничто не готовилось к обороне, вся тактика подготовки оружия в те годы была такова. И я сделал любопытный вывод: если я сейчас создам типологию документов школы, дошкольного учреждения, дополнительного образования и заложу ее в вариативную идеологию, то этим я заложу в нее другую систе-

му алгоритмов жизни. Небольшой пример. Как теперь называются бывшие дома пионеров?

В. Мисюченко: — Дома творчества молодежи?

А. Асмолов: — Да. В типовом положении о них пишу (оно было подписано Черномырдиным), что основное предназначение домов творчества — стать центрами развития мотивации к познанию творчества. Обратите внимание: во все типовые положения о школе, о вечернем, о дополнительном образовании я ввел что-то индивидуальное. Иными словами, я осознанно просчитал ход (увидел его более явно просто по ассоциации с Суворовым): в бюрократически сухие документы заложил алгоритмы жизни, которые, как говорил Выготский, психологически наполнены, которые станут психологическими орудиями. Через бюрократию, которую все клянут и ненавидят, но которая на самом деле готовит управленческие документы бытия. Если проанализировать управленческие документы тридцатых годов, как Суворов наступательное оружие, или документы по образованию, то увидим, что через новые бюрократические документы вернулась педология.

В. Мисюченко: — То есть целенаправленными управленческими действиями добиться можно куда большего, чем самыми истошными воплями и заламыванием рук в немой тоске. Это азбука.

А. Асмолов: — Вот-вот. Я и коллегам говорю: таким образом я сделал намного больше, чем эксперимент в какой-то одной школе. Я иду на изменение сознания — правопослушного сознания! — управленцев.

И когда управленец начинает долго разбираться, что такое мотивация, познание, творчество, он зовет психолога, дефектолога, социального работника, чтобы ему помогли, я счастлив: без нас не могут обойтись. Не из любви к психологии, а из-за того, что теперь учитывают индивидуальные возможности жизни личности. Через управленческий алгоритм мы как управленцы достигаем намного большего.

Нам сегодня говорят: «Вы потеряли любую идеологию». А я всегда повторял, что наша идеология напоминает формулу: «Куда идем мы с Пятачком — большой-большой секрет, и не расскажем мы о том — и нет, и нет, и нет!» На самом деле произошла удивительная вещь. От теоретических абстракций, которыми бредили Эвальд Ильенков, Алексей Леонтьев, Александр Мещеряков и Мераб Мамардашвили и которые мы «пихали» в образование, начали появляться среди учителей стихийные... марксисты, гегельянцы, развигологи?

В. Мисюченко: — Философы просто.

А. Асмолов: — Да, стихийные философы. Я не говорю, что они знают Гегеля от сих до сих. Произошла вещь более интересная. Функциональные органы мышления такого философа стали во многом другими. Мы получили ту самую «классическую немецкую философию». Она вдруг хлынула через леонтьевские деятельностные подходы к образованию.

У нас сегодня страна с потенциалом диалектической одаренности в сознании учителей. Может быть, у меня вообще заскок в голове, но когда я вижу философскую основу практического сознания учителей, мне это всякий раз очень интересно. Учителя стали жить в мире парадигмы развивающего образования. И учебники стали такими. Как они строятся! Учебник Вадима Левина, первая часть которого называется «Народная сказка «По щучьему велению», а часть вторая — «Авторская сказка «По моему хотению», просто расхватают. Он стал ценностью. А когда учебник становится ценностью, когда учитель становится скрытым гегельянцем, когда это начинает происходить, значит образование в обществе (тут вы правы: в обществе, не в государстве) все более стремится к тому, чтобы стать ценностью в культуре.

В. Мисюченко: — Я все вашу фразу в голове держу об учителях, которые становятся «стихийными» гегельянами, не зная Гегеля. Когда говорят о философах, то этим термином

называют совершенно разных людей. Есть философы сократовского типа, которые профессионалами-учеными, творцами философских систем не являются. Не Гегели они. А им того и не надо. Учитель настолько же философ, как и мудрец, который жизнь движет собственным разумом, и разум других учит откликаться на жизнь и двигать ее.

А. Асмолов: — Мы друг друга поняли.

В. Мисюченко: — Знаете, до сих пор в обществе много бед от непонимания целей и путаницы в «терминах». Происходит, скажем, определение не людей, а игра фамилиями, заодно приклеивание ярлыков. Я понимаю, когда аналитики делят электорат на национал-патриотический, демократический, право-левоцентристский и какой угодно еще, это наука, это практика политического обслуживания верхов или субъектов политических действий. Но, к сожалению, все это выплескивается в общество через телевизор, через газеты, через что угодно и этим занимается общество. Оно начинает играть в ритуальные, совершенно дурные игры. Забывая о подлинных своих ценностях и нуждах, — знаниях (которые — сила), образовании, культуре. А ведь только они и способны обеспечить обществу решение нравственной задачи, стоящей перед человечеством, помочь ему ответить на извечное: зачем живет человек?

Хочу надеяться, люди поймут: при любых сценариях апокалипсиса, которые живописуются ныне, есть надежда, что его, апокалипсиса, не будет, а если и будет, то после него явятся образованные люди, которые и наведут порядок.

А. Асмолов: — Это точно! Вот это абсолютно точно! Мой старший сын написал семь лет назад рассказ, который назывался «Апокалипсис не состоится». И было ему тогда семь лет от роду. Я в это свято верю до сих пор!

В. Мисюченко: — В данном случае абсолютно точно устами младенца глаголила истина!